
Г. Н. ГУМНИЦКИЙ, М. Г. ЗЕЛЕНЦОВА

ПОНЯТИЕ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ МОРАЛИ

Понятие человечности, гуманности – одно из моральных понятий, исследованием которых занимается теория морали, этика. Наиболее глубоко и полно его сущность и содержание можно выявить, рассмотрев в контексте других моральных понятий, являющихся категориями этики как науки, в системе этих категорий. Прежде всего необходимо указать на связь понятия человечности с полярным по отношению к нему понятием коллективности, солидарности, преданности общим интересам социума. Вне признания их единства не может быть правильного понимания сущности морали. Как и должно быть согласно диалектике, они и дополняют, и отрицают, ограничивают друг друга, и должны быть «сняты в высшем синтезе», дающем более полную истину, чем каждое из них в отдельности.

То, что мораль направлена на достижение двух главных целей и соответственно включает два мотива, отмечали такие крупнейшие теоретики морали, как Аристотель, Бэкон, Гоббс, Гельвеций, Кант, Гегель. Категорический императив И. Канта содержит два требования: поступать по всеобщему правилу и относиться к человеку как к цели. Очевидно, целями при этом являются интересы общества в целом, естественно, выраженные во всеобщих нормах, и интересы каждой отдельной личности. Вопрос об их соотношении поставил уже Аристотель, считавший, что предпочесть следует благо полиса. Кант также на первое место ставит принятые в обществе нормы поведения. В качестве «синтеза» он выдвигает идею высшего блага, соединяющего в себе долг и счастье, то есть, по существу, благо общества и благо личности. Если с этим согласиться, то нельзя безоговорочно считать человека высшей ценностью. Сам Кант характеризует человека как конечную цель.

Ценность человека как объекта морального отношения, отношения гуманности, может быть определена с помощью этого кантовского понимания. Кант называет человеческое общество, рассматриваемое в моральном плане, «царством целей». Вообще ценность – это значимость объекта для субъекта. Если человек – ценность, то выходит, что он для общества – объект, а общество – субъект. Но тогда именно оно оказывается целью, а человек – средством. Мы же говорим, что он служит целью. Ничего странного и необычного здесь нет. Так, машина – средство, но как объект, создаваемый человеком, она является для него целью, а он – средством. Понятия цели и средства «меняются местами».

Общество для людей – это форма их жизнедеятельности, вне которой они не могут существовать. Поэтому они ее постоянно воспроизводят и развивают. Сами люди формируются общественными условиями их жизни, являются по своей природе социальными существами. В этом смысле человек действительно есть «совокупность общественных отношений». И все же в конечном счете люди выступают для общества как цели, а оно для них – как средство. При этом они являются именно конечными целями, тогда как все цели, достижение которых необходимо для решения общественных задач, в конечном счете являются лишь средствами. Общество должно признавать ценность людей как конечных целей и относиться к ним соответствующим образом, уважать их права и делать все возможное для обеспечения их интересов. В этом и состоит суть человечности, гуманности. Человечность – объективный закон нормального отношения общества в целом и каждого его члена ко всем другим его членам, взятым вместе или в отдельности. Если в данной социальной системе этот закон нарушается, у людей возникает отрицательное к ней отношение, и они тем или иным способом изменяют ее. Это означает, что в обществе как системе действует объективная необходимость отношения к индивидам как к конечным целям. В полной мере эта необходимость может проявляться лишь в социально однородном обществе. Как она осуществляется в классовом обществе, в частности при капитализме, мы видим на примере современной России. Но для выявления общих моральных законов мы должны представить себе социум в предельной абстракции как систему отношений между абсолютно

равными друг другу индивидами, выступающими для этой системы в качестве конечных целей.

Если понятие человечности выражает отношение социума к личности, к благу человека, то понятие коллективности – отношение личности к обществу, к его благу. Это отношение – один из главных моральных законов, который может быть назван законом коллективности, долга, преданности интересам общества. Почему на первое место в их единстве ставят (и это правильно) этот закон? Дело в том, что человек является моральной ценностью лишь в обществе, как элемент общественной системы. Норме, требующей уважения к человеку, логически предшествует факт существования социальной нормативности, пользующейся общим уважением. Следовательно, исходной, первичной целью морали может быть только благо общества. На это можно возразить, что на самом деле исходным служит индивидуальный интерес, побуждающий человека, как и животное, жить в сообществе. Есть же если и не люди, то животные некоторых видов (например, медведи, леопарды, тигры), живущие в одиночку и соединяющиеся с другими особями, лишь когда это становится для них нужным, «выгодным». Но то, что они все же периодически соединяются – самцы с самками, а самки – с детенышами, образуя семьи, – означает, что у них есть социальные инстинкты. Тем более это верно относительно стадных животных, от которых произошли люди, и, конечно, относительно самих людей; социальные инстинкты, унаследованные ими от их животных предков, передаются от поколения к поколению биогенетически, вероятно, усложняются и развиваются уже на протяжении не одного миллиона лет, становясь на определенном этапе основой для формирования моральных чувств, норм, принципов и идеалов, являющихся в своей совокупности той психологической системой, которую называют «моральным сознанием». Ясно, что это не только сознание в узком смысле слова, а сложное психическое образование, включающее инстинкты-архетипы, интуицию, оценочные суждения и т. д. Вопрос этот еще требует, как представляется, серьезного исследования.

Индивидуальные интересы служат предпосылкой образования социальных форм жизни и причиной их сохранения, но еще не элементами морального сознания, как это считает теория «разум-

ного эгоизма». Предпосылка и биологическая основа морали не есть ее составляющие. Индивидуальная ценность человека становится моральной ценностью лишь в системе социальных отношений, где она из самооценности (если о таковой можно говорить) превращается в ценность для общности и для ее отдельных членов. Для того, чтобы каждый относился к самому себе и ко всякому другому члену социума как к конечной цели, он должен прежде всего относиться к общему благу как к исходной и ведущей цели и ценности. Соединяя оба эти отношения, можно следующим образом сформулировать основное моральное отношение (ОМО), или основной моральный закон (ОМЗ): отношение личности к общему благу как к исходной и ведущей цели, к личному благу (своему и чужому) – как к самоцели (то есть не только как к средству) и конечной цели, и к их единству – как к высшей цели (и ценности).

У нас широкое распространение получила формула «человек – высшая ценность», порожденная ныне господствующей в России либеральной идеологией. Высшая по сравнению с чем? Очевидно, с общественными интересами? Это так же неверно, как то, что последние всегда выше личных, которые, безусловно, должны им подчиняться. Ранее высказывалось мнение, что никакого подчинения не должно быть, ибо правомерна лишь гармония между теми и другими интересами. Но гармония и основана на взаимоподчинении. Вспомним слова Гераклита: «Из расходящихся – прекраснейшая гармония». Видимо, правильно будет считать, что те или другие интересы могут быть высшими лишь ситуационно.

Чтобы возникла гармония, надо, чтобы они в чем-то «сошлись», а значит, «уступив» друг другу, взаимоподчинились. Приоритет общественного перед личным необходим тогда, когда общности грозит серьезная опасность или наступление такой опасности в будущем вполне вероятно. При отсутствии такой необходимости должно иметь место взаимосогласование интересов. Приоритет могут приобрести и личные интересы, например при выборе профессии, при освобождении от работы в случае болезни и т. п. Но в общем и целом высшей ценностью может быть только единство, сочетание личного и общественного, их гармонизация. Это единство – высший принцип моральной целесообразности. Последняя же является сущностью и критерием подлинной социаль-

ной целесообразности. Это означает, что моральное и подлинно социальное в природе человека по сути совпадают. Иначе говоря, моральное есть воплощение человеческой социальности в ее всеобщем сущностном значении, человек по своей общей природе – существо моральное. Человек определяется как «человек разумный», но нельзя быть подлинно разумным, не будучи моральным. Моральность, как и разумность, – видовой признак человека. Поэтому моральное понятие человечности и происходит от понятия человека.

В человеке есть и доброе, и злое. Почему же только доброе, моральное, человеческое характеризует общую природу человека? Потому что для подлинного человека, соответствующего своей общей природе, свойственно подчинение злого доброму, конечно, не раз и навсегда данное, но осуществляемое в борьбе между ними. Поэтому в итоге человек не добр и зол, а добр, морален, человекен. Секрет этого прост: моральность – это та же социальность, то есть то, что соединяет людей; необходимость сотрудничества и взаимопомощи, а значит, потребность в общении, в гармонизации взаимных отношений, в принципах и нормах, обеспечивающих нормальное общение.

Сказанное относится в полной мере лишь к обществу в его абстрактной, идеальной форме, то есть к такому, в котором все его члены являются равными целями, иначе говоря, где имеет место социальное равенство. Оно существовало при первобытно-общинном строе, но в результате его разложения, появления частной собственности на средства производства и разделения общества на классы сменилось неравенством. Однако и в социально однородном обществе люди не являются и не могут быть абсолютно равными. Значит ли это, что отношение общества к своим членам как к равным целям и ценностям даже в самых благоприятных в социальном плане условиях невозможно?

Если люди не абсолютно равны, значит, они неравны. Каково соотношение между их равенством и неравенством? Как их неравенство соотносится с человечностью? Ответить на эти вопросы можно, обратившись к понятию справедливости, которое является конкретизацией понятия гуманности, характеризует меру гуманности. Для определения последней и необходим учет неравенства

между людьми. Аристотель выразил суть справедливости в формуле: «Равным – равное, неравным – неравное». Иначе говоря, она состоит в единстве равенства и неравенства. Не ведет ли неравенство к уничтожению равенства? Для либерализма характерно их абсолютное противопоставление. Например, в Программе ДВР Е. Т. Гайдара утверждалось, что равенства между людьми нет. Это пример метафизического, антидиалектического, ошибочного мышления. Если все люди обозначаются одним и тем же словом «человек», да и тем же словом «люди», то разве это не означает, что они в чем-то, что делает их именно людьми, тождественны, равны между собой? Из этого равенства, как писал Ф. Энгельс, вытекает и требование социального равенства. Ибо люди низших классов рано или поздно начинают понимать, что, по существу, они ничем не хуже господ, что и физически, и умственно все люди в принципе равны. И, следовательно, справедливо, чтобы все люди занимали в обществе равное положение, не делились на «высших» и «низших», господ и рабов.

Очевидно, что в основе справедливости лежит равенство, ибо те свойства, которые являются для людей общими, имеют для вида «человек разумный» фундаментальное значение, делают людей людьми. То же, что отличает одного человека от другого, не изменяет факта принадлежности каждого к этому виду. Особенности, делающие людей неодинаковыми, неравными, делятся на две противоположные категории: не противоречащие равенству и противоречащие ему. Учет первых лишь усиливает равенство, а значит, и справедливость (например, различия по возрасту, полу, здоровью и т. п.). Наличие и признание вторых (например, между богатыми и бедными, собственниками и лишенными собственности, образованными и необразованными) существенно уменьшают справедливость такого общественного строя, при котором они имеют место, а со временем становятся нетерпимыми для тех, кто от них страдает и оценивает их как несправедливые. Во втором случае речь, конечно, идет о социальном неравенстве.

Несправедливость – это негуманность, нарушение человечности. Где нет справедливости, там нет и человечности. Частная собственность рождает индивидуализм, эгоизм, отрицает основы человечности, коллективности, моральности как таковой. Ведущей

формой регуляции становится право, опирающееся на силу государства. Если государство существенно ослабляется, как произошло у нас по замыслу и воле либералов в конце 80-х и особенно в начале 90-х годов прошлого века, а общество оказывается деморализованным в результате массивной либерально-буржуазной пропаганды, социальная система разрушается, возникает анархия, многократно возрастает преступность, – такое общество перестает быть человеческим. То, что произошло у нас в ходе капиталистической контрреволюции, воочию показывает, что капиталистический строй противостоит социалистическому, даже еще весьма несовершенному, как антигуманный – гуманному. Факты, доказывающие антигуманность капитализма, всем у нас хорошо известны, и ссылаться здесь на них нет необходимости.

Либерализм как негодный товар нам экспортировали оттуда, где он уже давно на практике не используется. У нас же его приняли за чистую монету. Это антинаучная, антисоциальная и глубоко аморальная идеология, применение которой ведет общество к полнейшему краху. Краеугольный камень «теории» либерализма – понимание свободы как произвола самостоятельного по отношению к социуму индивида, руководствующегося исключительно своим частным интересом, который состоит в погоне за прибылью. Философская трактовка свободы либерализмом сходна с ее экзистенциалистской трактовкой: свобода не имеет объективного основания. Тем самым она оказывается пустым словом, ее понятие никак не определяется, что означает теоретическое бессилие и бесплодие такого «понимания». Реальное основание такой трактовки – кажущаяся полная самостоятельность агентов рыночных операций по отношению друг к другу, к государству и обществу в целом. Индивид объявляется «высшей ценностью», а его свобода – более высокой ценностью, чем ценность «порядка». Государство не должно заниматься регулированием рынка, он регулируется «невидимой рукой», которая и устанавливает там порядок. Исходное значение, таким образом, имеет свобода индивидов, «порядок» же оказывается вторичным, производным. Все в этой «теории» оказывается перевернутым с ног на голову.

Научная философия дает детерминистское, ясное и убедительное понимание свободы, неразрывно связывая ее с необходимо-

стью. Так, Аристотель называл свободным действие, принцип которого заключен в самом действующем лице (то есть не навязан ему извне); согласно Спинозе, свободной является такая вещь, которая действует в силу необходимости собственной природы; по Гегелю, свобода – это познанная необходимость; Энгельс связывал свободу с основанным на познании необходимостей господством над нами самими и над внешней природой. Исходя из этих определений, можно сказать, что свобода – это беспрепятственность осуществления собственной необходимости, основанная на независимости, конечно, относительной, от внешних негативных и использовании позитивных факторов. Если свобода – это осуществление принципа или необходимости, то, значит, не свобода предшествует «порядку», а «порядок», общественные условия, государство, мораль и право предшествуют свободе индивидов и определяют социально-исторический характер их свободы. Как было сказано, нельзя жить в обществе и быть свободным от общества. Утверждая обратное, либерализм неминуемо впадает в самый дикий анархизм, реализацией которого и стал наш дикий капитализм.

В Программе ДВР говорится: нам нужно не сильное государство, а сильные граждане. Чем не манифест анархизма! Если признается неравенство этих граждан, то, наверное, надо признать, что есть не только сильные, но и слабые? Все ли являются высшими ценностями? Если все, то хотя бы в этом, совсем немаловажном, смысле надо признать всеобщее равенство? Но какое может быть равенство: ведь сильные действительно становятся «высшими ценностями» по отношению к слабым, а они по отношению к сильным при отсутствии сильного государства уже будут «низшими ценностями». Ибо там, где есть высшее, должно быть, соответственно, и низшее. А если все до одного – «высшие», то где «низшие» и вообще – «низшее»? Вот какое «умное» понятие придумали и даже включили в нашу Конституцию.

Какой же рациональный, соответствующий действительности смысл заключает в себе это понятие? Тот, что в обществе есть «высший класс», возникший у нас, как всем известно, путем нелегитимного, по сути – незаконного присвоения основных средств производства, принадлежавших всему обществу, то есть путем ограбления народа, ставшего в результате этого «низшим классом».

«Высший класс», узурпировав госвласть и всю правовую систему, присвоив себе львиную долю общественного достояния, превратил «низший класс», то есть огромное большинство населения, в бедных и нищих. Общество перестало быть подлинным общим благом для них, а они для него – конечными целями. Им остается один удел – деградировать, болеть и умирать, во многих случаях не доживая 20–30 лет до старости.

И это очень четко укладывается в концепцию либерализма, согласно которой каждый за себя и никто – за всех. В ее основе лежит теория социального дарвинизма, не заслуживающая даже названия «звериной», ибо в животном мире, в стадах, стаях, прайдах и т. п. преобладают отношения сотрудничества, взаимопомощи, а не взаимной борьбы. Можно многое сказать о тех поистине страшных бедах, которые принесла России либеральная идеология, власть, взявшая ее на вооружение в деле разрушения социализма, а вместе с этим – социального порядка в самой его основе, в создании дичайшего капитализма, угрожающего сохранению нашей страны и ее народа. Об этих бедах уже открыто пишут и говорят в ряде случаев в СМИ. Но наша задача – иная. Мы говорим о несправедливости классового строя вообще, капитализма – в особенности. Капитализм – это по своей сути аморальный строй, в корне противоречащий общей фундаментальной, нравственной по своему характеру природе человека.

Мораль, конечно, не исчезает с наступлением эры капитализма. Она формируется в детях их родителями, проповедуется в религиозных политических и других сообществах, ее принципов придерживаются многие ученые, писатели, художники. Но буржуазная экономика, высшим принципом которой является обогащение частных лиц, достижение ими максимальных прибылей, не оставляет места для совести, человечности, справедливости. Как писал один журналист, при 300 % прибыли нет таких преступлений, на которые не пошел бы капиталист даже под страхом виселицы (эти слова процитировал Маркс в «Капитале»). А экономика, в конечном счете, – определяющий фактор жизни общества. Поэтому доминирующим становится частный интерес, индивидуализм, несовместимый с основным моральным законом, с моралью в целом. Об этом писал Маркс, указывая на противоположность «политэко-

номии морали», то есть моральных принципов, с «моралью политэкономии» – с принципами погони за прибылью, конкуренции и др. Можно ли признать такой строй нормальным, соответствующим исконным человеческим стремлениям, которые всегда несут в себе ориентацию на моральный идеал? Конечно, нет! Общечеловеческий моральный идеал – это идеал не только нравственной личности, но и нравственного общественного строя, человеческого и справедливого. Нет необходимости доказывать, что буржуазный строй ничего общего с этим идеалом не имеет, что он является его прямым и абсолютным отрицанием. Поэтому он не может быть долговечным. И мы видим, что уже во всем мире происходит медленный, трудный, противоречивый, но неодолимый процесс перехода от капитализма и классового строя вообще к социализму – первой фазе коммунизма. Только российская «элита», охваченная жадной обогащения и вооружившаяся лженаучной идеологией либерализма, беззастенчиво обманувшая и продолжающая обманывать народ, ухитрилась повернуть страну в обратном направлении, в первоначальный капитализм, а в области мировоззрения еще дальше – в прошлое, в Средневековье с его господством религиозного сознания.

Идеологи либерализма ежедневно и ежечасно, всемерно используя печать, радио и особенно телевидение, полностью находящееся в их распоряжении, убеждают, и, к сожалению, безрезультатно, общество, что именно наш теперешний строй является «нормальным» и гораздо более эффективным, чем социалистический. И, видимо, многие пока поддаются их софистической пропаганде. Но истина как раз в обратном. Классовый строй, в истории вида «человек разумный» занимавший примерно 1/10 времени его существования, а в истории человеческого рода – около одной тысячной, выпадает из нормы социальности. Более того, он выпадает из нормы всей истории живой природы в аспекте развития социальных форм жизни. (Объединения пчел, муравьев и некоторых других видов насекомых, у которых есть «классы», нельзя считать социальными, ибо эти объединения являются, как признано наукой, «сверхорганизмами».) Но главное в том, что, как убедительно доказано марксизмом и подтверждается фактическим ходом развития человечества, время существования этого строя заканчивается, из чего можно сделать вывод, что его сравнительно недолгое бытие

представляет собой некий сбой, шаг назад в развитии социальности вообще и человеческой социальности в частности. Этот сбой можно оценивать как «мертвую петлю», в которую вошла история 6–7, может быть, максимум 10 тысяч лет назад и из которой она, к счастью, теперь выходит. Трудно предвидеть, какой период времени займет этот переход. Но можно предположить, что он закончится в первой половине этого тысячелетия.

Марксизм дает строго научное обоснование закономерности наступления эпохи коммунизма: в свое время труд приобрел частный характер, возникло индивидуальное ведение хозяйства, что привело к появлению частной собственности, классов, разделению общества на богатых и бедных, господствующих и рабов, подорвало единство социума и единую мораль, отношения гуманности и справедливости; с развитием капитализма труд снова становится общественным по своему характеру, что неизбежно ведет к замене частной собственности общественной, к уничтожению классов, к возрождению морального единства общества, гуманности и справедливости в отношении каждого его члена. Марксизм – высшая ступень развития идеологии гуманизма. Некоторые западные философы увидели гуманизм Маркса в его ранних произведениях и только в них, не понимая, что все учение Маркса имеет безусловно гуманистическую направленность. В своих зрелых трудах Маркс перенес акцент с анализа сущности человека на исследование социальных условий его существования, ибо исходил из того бесспорного положения, что именно общественные и особенно экономические отношения определяют формы жизни и возможности развития людей. Придав коммунизму научный характер, Маркс назвал его реальным гуманизмом. И с этим нельзя не согласиться, ибо истинный гуманизм не сводится к обоснованию особой ценности человека и к общим рассуждениям о ней вне пространства и времени, а требует, и это самое главное, изучения путей наиболее полной реализации человека как ценности и практических действий, направленных на то, чтобы эти пути проложить в действительности.

Итак, люди по своей общей природе – общественные, а потому нравственные существа. Вследствие этого в истории действует постоянная необходимая подлинной социальности, то есть спра-

ведливости, человечности. Человечность, гуманность не могут быть отделены от социальности, коллективности, от моральности в целом, суть которой – в единстве, гармонии личного и общественного. В основе идеологии и практики либерализма лежит буржуазный индивидуализм, в корне отрицающий подлинную социальность. Поэтому либерализм – это антигуманизм. С его позиций человечность немыслима и нереальна. Гуманизм – это коммунизм, утверждающий, что свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. И с необходимостью придет время, когда этот девиз будет осуществлен.